

В тот далекий солнечный майский день поэты самых разных поколений читали свои стихи возле книжных развалов, где можно было купить их книги и даже получить автограф, а мы, школьники, влюбленные в поэзию и сами (конечно же, тайно!) пишущие стихи, восторженно слушали их.

Современная поэзия была неотъемлемой частью жизни нашего поколения. Мы знали и любили и стихи Маяковского, и «Гренаду» Светлова, и «Гармонь» Жарова, и «Повесть о рыжем Мотеле» Уткина, и «Курсантскую венгерку» Луговского, и «Смерть пионерки» Багрицкого, и «Уляля-евшину» Сельвинского, и виртуозные переливы кирсановской лирики, и многие, многие другие стихи советских поэтов.

— Вез. Москва. — 1997. — 14 мая. — С. 2.

ВСЕ В НЕГО БЫЛИ ВЛЮБЛЕНЫ

знали наизусть, читали их друг другу во время бесконечных ночных прогулок по заснувшим переулкам нашей Москвы. Но все эти стихи рассказывали о чем-то нами не пережитом, они были как бы отблеском пусть недавних, но уже ставших историей событий. Это были стихи не о нас, а о наших отцах и дедах...

*Повесть наших отцов,
Точно повесть
Из века Стюартов,
Отдаленней, чем Пушкин,
И видится точно во сне...* — писал Борис Пастернак о своих старших, и, наверное, люди всех поколений могут подписаться под этими строчками. А нам так хотелось услышать стихи о нас, о нашем сегодняшнем дне!

И вот они вдруг появились, эти поэты, почти наши ровесники, ну пусть немного старше нас, но уже, как мы, не знавшие иного мира, кроме того, что нас окружал. А мы — зачем теперь скрывать, зачем отнекаться? — любили этот мир, гордились им, он был нашей жизнью, нашей юностью. Поэты эти пришли в литературу целой группой и на первых порах были для нас неразделимы: Маргарита Алигер, Константин Симонов, Евгений Долматовский, Михаил Матусовский. Мы бегали на их вечера, покупали их тоненькие книжечки, заучивали их стихи наизусть, стихи про нас, про нас!..

Вот и сейчас я листаю маленькую серо-голубую книжку стихов Евгения Долматовского, и мне кажется, что я снова в той далекой вздыбленной Москве тридцатых годов, когда все вокруг стремительно менялось (пусть не всегда к лучшему, но это будет понятно куда позже!), когда на улицах, площадях и в переулках потянулись к облакам строительные краны, дома сдвинулись с места, недра московской земли раскрылись, чтобы там были воздвигнуты мраморные дворцы метрополитена.

В Москве я знаю дряхлый дом, Назначенный на слом... — ну конечно же, это наш дом! Наш дом в Воронниковском переулке, которого уже нет и фотографию которого я бережно храню.

*Мне очень дорог этот дом,
Назначенный на слом...*
Или это:
*Как февральский вечер позабуду,
Как мечте и правде изменю?
Из далеких автоматных будок
Я тебе по вечерам звоню...*
Мало тогда было в Москве личных телефонов, и сколько же часов мы проводили в коридорах коммуналок, дожидаясь желанных звонков наших мальчиков, мысленно понося соседей, занимавших аппарат своими, казавшимися нам бессмысленными разговорами. А дождавшись звонка, такие счастливые бежали к назначенному месту свидания! Кто теперь помнит об этом? А стихи Долматовского помнят...

Ну а эти строчки уж точно про нас, только про нас:

*Рано-рано с вечеринки,
Взявшись за руки, идут.
Топольные снежинки
Пролетают там и тут...
Тишь. Грузовиков движенье,*

**Вот она лежит передо мной,
серо-голубая маленькая книжка:
«Евг. Долматовский.
«Стихи и поэмы»
(1936–1937, «С. П.» 1938)»,
купленная мною шесть
десятилетий назад
на Тверском бульваре,
в День печати, на книжном базаре,
проводившемся
здесь ежегодно 5 мая.
Каким чудом уцелела она,
пройдя со мной сквозь бурные
десятилетия нашего столетия,
исполненные стольких событий —
и общественных и личных?!**

*Спящий город. Первый свет...
Словно ветра дуновенье
Пролетели десять лет...
...Почему-то педагоги
Грустные домой ушли.
Утро, утро, все дороги
В легкой золотой пыли...*
Так мы входили во взрослую жизнь — с верой в дружбу, в любовь, с надеждой на счастье.

Листаю книжку и хочется цитировать ее без конца — ведь многие стихи так давно не переиздавались! Хочется цитировать и отрывки их поэмы «Мальчик». Он отправился на Север, чтобы построить новый город:

*Придя на дымное кочевье,
Начальник стройки, фантазер,
Худые посадил деревья,
Большими палками подпер.
Строитель и солдат, он мог ли
Предвидеть странности земли —
Деревья в десять дней засохли,
А палки буйно расцвели...*

Ох, сколько «странностей земли» предстало пережить на своем веку нашим самозабвенным мальчикам!

А как не вспомнить строки Долматовского, которые стали как бы девизом многих из нас:

*Расставанья и встречи,
две верные части,
Из которых когда-нибудь
сложится счастье!*

Ведь это достойно стать поэтической формулой нашего беспокойного существования...

Мы сразу полюбили их всех, этих молодых поэтов. И тщедушную Маргариту Алигер, которая, хоть и громогласно самоутверждаясь, заявляла во всеуслышание:

*Я хожу широким шагом,
Стукну в дверь, так будет слышно.
Громким голосом пою, —*

однако даже эти строчки не могли преодолеть впечатление хрупкости. И вальжного Константина Симонова с его невыговариваемыми «Р» и «Л». И Михаила Матусовского, который хоть тогда и был еще

худой, но уже медвежевато-тяжелый и степенно читал с эстрады стихи о любви:

*Я знаю все домашние секреты,
Хозяйственные нужды и дела,
Семейные альбомы и портреты,
Когда еще ты девочкой была...*

Но, конечно же, все девчонки моего поколения были тайно (а некоторые и явно) влюблены в Евгения Долматовского. случайно. Какой он был красивый — с огромными серыми глазами, тонким профилем, мягко вьющимися светло-каштановыми волосами, вот уж поистине воплощение поэтической внешности! А когда весной 1940 года он вернулся с финской войны, раненый, побледневший — бледность придавала байроновскую одухотворенность его лицу, — с рукой на перевязи

и читал новые стихи о «той войне незначимой», его встречали и провожали бурными овациями.

А потом пришла большая война — Великая Отечественная, и Евгений Долматовский с первых же ее дней ушел на фронт.

*В кармане маленьком моем
Есть карточка твоя,
Так, значит, мы всегда вдвоем,
Моя любимая...*

Эти строки, как и многие другие песни на слова Евгения Долматовского, пела тогда вся страна. Меня могут упрекнуть, что я не пишу здесь о его песнях, которые сопровождают уже жизнь не одного поколения. Конечно же, эти песни были и нами любимы, но они звучат и сейчас, их помнят и любят уже наши дети и внуки, а мне хотелось напомнить о ранних стихах Долматовского, которые вспоминают, увы, реже... Так пусть о песнях расскажут музыканты, которым посчастливилось работать с его текстами.

Осенью 1941 года пришла в Москву тревожная весть: Евгений Долматовский пропал без вести. К счастью, весть эта не подтвердилась, о чем мы вскоре узнали из его прекрасной поэмы «Пропал без вести», опубликованной, если мне не изменяет память, в журнале «Знамя». В поэме этой Евгений Долматовский со свойственной ему предельной поэтической открытостью рассказал о своем нелегком фронтовом пути.

Шли годы. Мы давно уже познакомились, называли друг друга по именам, часто встречались у общих знакомых, а какие-то годы даже жили в одном доме. Веселый, остроумный, умевший любить жизнь во всех ее проявлениях — не припомню, чтобы он когда-нибудь на что-нибудь жаловался, — Женя с годами почти не менялся, был все так же красив, молод, подтянут, неутомим.

Однажды мы должны были вместе записываться на радио в передачу, посвященной памяти Михаила Светлова. Зная, что я увижу Долматовского, я захватила с собой его книжку, купленную весной 1938 года. Когда мы встретились, я показала ему книжку и сказала:

— Женя, в тот далекий майский день я так робела перед тобой, что не решилась подойти и попросить автограф. Может, наверстаем упущенное?

Увидев книжку, он удивился и обрадовался, долго вертел ее в руках, а потом написал на форзаце черным фломастером:

**Лиде Либединой
с удивлением
и восторгом.
С любовью,
ей Богу!
Евг. Долматовский
(кличка «Женька»).**
4 сент. 1974 г.

Что ж, я могу только повторить за тобой, Женя:

С любовью,
ей Богу!

Лидия ЛИБЕДИНСКАЯ